

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 2 (87). С. 9–18.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 2 (87). P. 9–18.

Научная статья

УДК 908

doi: 10.54398/1818-510X.2026.87.2.001

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ АСТРАХАНСКИХ ТУРКМЕНОВ, УВЕДЕННЫХ КАЛМЫКАМИ В 1771 Г.

Джунджузов Степан Викторович

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург,
Россия

Djund@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Аннотация. Откочевка калмыков-торгоутов из России в 1771 г. в завоеванную Китаем Джунгарию стала последней крупной миграцией кочевников в мировой истории. Наместник Калмыцкого ханства увел с собой сотни подвластных ему людей разной этнической принадлежности. В статье проводится анализ событий, связанных с возвращением астраханских туркмен из «калмыцкого побега» и их имущественными претензиями к яицким казакам. Исследование проведено на основе материалов из фондов Объединенного государственного архива Оренбургской области и Национального архива Республики Калмыкия. Используются историко-генетический и структурно-функциональный методы научного исследования, метод критического анализа исторических источников. Сделан вывод, что нежелание туркмен покидать ставшие им родными волжско-прикаспийские степи и перспектива перехода в чуждое китайское подданство явились побуждающими стимулами к их возвращению в Россию. Яицкие казаки, встречавшие туркмен на линейных форпостах, считали себя вправе отбирать у них скот и другое имущество в качестве компенсации ущерба, нанесенного Калмыцкой Ордой, переправлявшейся через Яик. Требования астраханского и оренбургского губернаторов к Яицкому казачьему войску о возвращении туркменам присвоенного казаками имущества было лишь частично удовлетворено. Значимыми последствиями возвращения астраханских туркмен в пределы России стало обретение независимости от калмыцких владельцев и сохранение их этнической идентичности.

Ключевые слова: астраханские туркмены, атаман, возмещение ущерба, возвращение, губернатор, калмыки, скот, лошади, форпост, яицкие казаки

Для цитирования: Джунджузов С. В. Возвращение в Россию астраханских туркмен, уведенных калмыками в 1771 г. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 2 (87). С. 9–18. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.2.001>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE RETURN TO RUSSIA OF THE ASTRAKHAN TURKMENS
TAKEN AWAY BY THE KALMYKS IN 1771

Stepan V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Djund@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Abstract. The migration of the Kalmyk Torgouts from Russia in 1771 to Dzungaria, which had been conquered by China, became the last major migration of nomads in the world history. The governor of the Kalmyk Khanate took hundreds of people of different ethnicities, who were under his control, with him. The article contains an analysis of the events that are connected with the return of the Astrakhan Turkmens from the “Kalmyk Escape” and their property claims against the Yaik Cossacks. The research is based on the materials of the United State Archives of the Orenburg Region and the National Archives of the Republic of Kalmykia. The following research methods were used: historical-genetic, structural-functional, a critical analysis of the historical sources. Unwillingness of the Turkmens to leave the Volga-Caspian steppes, which had become their home, and the perspective of accepting alien Chinese citizenship became an inciting factor for their return to Russia. The Yaik Cossacks, who encountered the Turkmens at their outposts, considered that they had a right to take their cattle and other property as compensation for the damage caused by the Kalmyk horde that had been crossing the Yaik earlier. The demands of the Astrakhan and the Orenburg governors to the Yaik Cossack host for the return of the property appropriated by the Cossacks to the Turkmens were only partially fulfilled. Significant consequences of the return of Astrakhan Turkmens to Russia were acquisition of independence from their Kalmyk occupants and preserving their ethnic identity.

Keywords: Astrakhan Turkmens, ataman, damages reparation, return, governor, the Kalmyks, cattle, horses, outpost, Yaik Cossacks

For citation: Dzhundzhuzov S. V. The Return to Russia of the Astrakhan Turkmens Taken away by the Kalmyks in 1771. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 2 (87), pp. 9–18. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.87.2.001> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

«Сего генваря 26 <...> часа в шестом ночи с киргизской стороны сделался преужасный шум и всякого скота крик и рев голосов, от чего мы преужаснулись и в немалую опасность пришли. И так со степной на внутреннюю сторону прямо на Кулагину крепость через реку Яик перебираться начали и немалое число людей к крепостным воротам на лошадях подъехали, которые нами и встречены были. И между разговоров оные объявили, что они, тухменцы, сильною рукою как ханом [калмыцким], так и прочими мурзами захвачены» [7, л. 228], – так эмоционально в рапорте походного атамана Ивана Акутина была описана встреча яицких казаков с туркменами, отколовшимися от уходящей в 1771 г. в Джунгарию Калмыцкой Орды.

Очевидно, полученное через Войсковую канцелярию Яицкого казачьего войска известие о приеме в Кулагинной крепости большой партии туркменов явилось полной неожиданностью для командующего войсками Оренбургского корпуса генерал-майора Ивана Кирилловича Давыдова и состоявшего в том же звании оренбургского губернатора Ивана Андреевича Рейнсдорпа. В доставленном накануне донесении состоявшего при калмыцких делах полковника И. А. Кишенского (Кишенкова) говорилось, что наместник Калмыцкого ханства Убаши с калмыцкими владельцами и собранным войском направляются к р. Яик. В заложниках у них немалое число русских людей [7, л. 60–61]. Однако ни о каких туркменах полковник, поставленный надзирать за калмыками, не упоминал.

Поселение туркмен в Астраханской губернии известный этнограф XIX в. П. И. Небольсин связывал с походом калмыцкого хана Аюки на Мангышлакский

полуостров. Согласно преданиям опрошенных им туркменов, воинственный калмыцкий правитель, чтобы услужить русскому царю, совершал походы против соседних народов. Так, возвращаясь с берегов Амударьи, аюкинские калмыки свернули на Мангышлак, пленили 380 туркменских кибиток и пригнали их в Астраханскую губернию к урочищу Нарын-пески, в котором в то время находилась летняя ставка Аюки-хана. Лето туркменские переселенцы проводили в Нарын-песках, а на зиму уходили на юг к р. Куме [6, с. 258].

Версия о поселении в Астраханской губернии плененных калмыками туркменов получила развитие в современной литературе [13, с. 322]. У. Б. Очиров появление первой партии туркменов в составе Калмыцкой орды связывает с походом на Мангышлак калмыцкого нойона Хо-Орлюка (Хо-Орлёга), датируемого не позднее 20-х гг. XVII в. Вторая партия туркменов, искавших убежища от репрессий, обрушенных на них хивинским ханом Абул-Гази, присоединилась к калмыкам в 1645 г. Пленение туркменов на Мангышлаке калмыцким войском хана Аюки У. Б. Очиров относит к последней трети XVII в. Согласно «поголовным» спискам, составленным в 1740 г., численность туркменов в Калмыцком ханстве достигла 15 990 человек [12, с. 99]. Став подданными калмыцких правителей, туркмены продолжали подчиняться своим феодалам, вести привычный кочевой образ жизни и исповедовать ислам. А. В. Цюрюмов обратил внимание на стремление последнего наместника Калмыцкого ханства Убаши к возобновлению, примеру предков и «для славы», налагаемой на туркменов подати. Ранее она составляла по одному корсаку с кибитки, но из-за междоусобиц ее взимание прекратилось [14, с. 38].

Откочевка в январе 1771 г. в составе Калмыцкой орды нескольких сотен туркменов служит подтверждением распространения власти наместника Калмыцкого ханства на астраханских туркмен.

События, связанные с возвращением отделившихся от Калмыцкой Орды туркменов, не получили должного историографического освещения. В монографическом исследовании Е. В. Дорджиевой, посвященном исходу калмыков в Китай, приводится ссылка на письмо астраханского губернатора Никиты Афанасьевича Бекетова к генерал-майору И. К. Давыдову. В нем говорилось о приеме в Астраханской губернии 400 вернувшихся из побега туркмен. Следом упоминается рескрипт Военной коллегии к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу с требованием: «возвратившихся тухменцев отправлять к Волге» [4, с. 110].

Цель данного исследования заключается в рассмотрении обстоятельств, связанных с возвращением туркменов из «калмыцкого побега» и их имущественных претензий к Яицким казакам. Источниковым материалом для изучения описываемых событий послужила переписка астраханского и оренбургского губернаторов Н. А. Бекетова и И. А. Рейнсдорпа по поводу приема и сопровождения туркмен, а также удовлетворения исков последних в связи с возвращением скота и прочего имущества, отобранного у них на яицких форпостах. Дополнением к ней выступают рапорты Войсковой канцелярии Яицкого казачьего войска, донесения походных атаманов и старшин. Особого внимания заслуживают документированные претензии самих туркмен и ответные показания яицких казаков. Массив привлеченных документов был выявлен в фонде 3 «Оренбургская губернская канцелярия» Объединенного государственного архива Оренбургской области и фонде 36 «Состоявший при калмыцких делах при астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия.

Использованы историко-генетический, структурно-функциональный методы научного исследования, метод критического анализа исторических источников.

Основная часть

Из расспросов возвратившихся туркменов походный атаман И. Акутин выяснил, что ушли они с волжских берегов, подчиняясь воле наместника Калмыцкого ханства. Решение возвратиться в российское подданство ими было принято после переправы через Яик. Дойдя до р. Карасули (Карасу), они развернулись и пошли обратно

к российской границе. В пути туркменов нагнал посланный за ними отряд калмыков. Завязалась ружейная стрельба. Из боя туркмены вышли с большими потерями: «много людей отбито, а особливо у иных совсем жен и детей теми калмыками взяты» [7, л. 228 об.].

По договоренности с предводителями, Акутин разрешил туркменам продвигаться вниз по Яику до Гурьева городка и там ожидать дальнейших распоряжений. В Кулагиной крепости на положении аманатов (заложников) были оставлены три туркмена из знати – зайсанги Томбач Теленберды и Нияз Назаров и рядовой Алмамбет Шалбетов [7, л. 228–228 об.]. Перед отправкой нарочного в Яицкий городок в Кулагину крепость пришел еще один знатный туркмен – старшина Ерке Батыр.

В ожидании распоряжений оренбургского генералитета Яицкая войсковая канцелярия потребовала предоставить туркменских старшин в ее распоряжение, а войсковому старшине Матвею Суетину рекомендовала «уверещать и уговаривать» туркменов кочевать ближе к Яицкому городку. Члены Войсковой канцелярии опасались, что дождавшись откочевки Калмыцкой орды на дальнейшее расстояние, туркмены отважатся уйти за Яик для соединения со своими соплеменниками в Центральной Азии [7, л. 227].

За туркменами было установлено строгое негласное наблюдение. Все их перемещения по войсковой территории фиксировались в рапортах начальников крепостей и форпостов, мимо которых они проходили. Как следует из доклада атамана Яицкого войска Петра Васильевича Тамбовцева, партия туркменов прошла вниз по Яику до Баксайской крепости, откуда повернула в степь, оставаясь на российской стороне. Для наблюдения за туркменами из Сорочиковской крепости выдвинулась нарочная команда. Сами же туркмены открыто заявляли, что намерены идти к Волге, к прежним своим жилищам. Для подстраховки Тамбовцев велел походному атаману Федору Бородину, находившемуся в Гурьевом городке, «для достоверного примечания» командировать необходимое число казаков из Гурьевской сотенной команды. Они должны были отслеживать продвижение туркменов до тех пор, пока не убедятся, что те идут к Волге и к Астрахани [7, л. 291]. Во исполнение этого приказа Бородиным был выделен отряд из 25 казаков во главе с хорунжим Филиппом Лыковым.

Отряд Лыкова сопровождал туркменов до Бирюковой ватаги, располагавшейся в 30 верстах от Красного яра (в рапорте Ф. Бородина – Красного Бугра) и на полпути до Астрахани. Лыкову также стало известно, что туркменами от Бирюковой ватаги для встречи с астраханским губернатором были отправлены три человека с объявлением, что они следуют к Астрахани. Губернатора туркмены просили определить им подходящее для кочевья место [8, л. 33].

24 февраля генерал-майор И. К. Давыдов известил оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа, что к прежде вышедшим 400 туркменам прибавилось еще 44 человека. Он подтвердил, что туркмены, продвигаясь вдоль побережья Каспийского моря, путь свой держат в направлении Астрахани. Вслед за ними сбежали и туркменские старшины, содержавшиеся аманатами в Кулагиной крепости [7, л. 477 об.].

В десятых числах марта к форпостам Сорочиковской крепости вышла еще одна группа астраханских туркменов численностью 97 человек. 15 марта в Войсковой канцелярии был допрошен их представитель Мангырчи Бабинитосов. Из его показаний следует, что их кочевье находилось в урочище Рын песков, откуда они в количестве 200 человек были уведены по приказу наместника ханства Убаши. С Калмыцкой Ордой они дошли до рек Эмбы и Темира. Их продвижению сначала мешал обильно выпавший снег, затем начались морозы, и подтаявший снег покрыл степь трудно проходимым льдом. Продвижение улусов ограничивалось короткими переходами. Чтобы не утомлять и без того измотанных лошадей, путь до новой стоянки приходилось преодолевать пешком. В отличие от первой партии, вышедшие в начале марта к яицким форпостам туркмены были добровольно отпущены наместником Убаши со всеми принадлежавшими им лошадьми и скотом. Из уведенных калмыками их сородичей прежде них сумели сбежать 40 человек. Возможно, имелись в виду те

44 туркмена, о которых оренбургскому губернатору доносил генерал-майор И. К. Давыдов. Еще 60 туркменов по-прежнему оставались в Калмыцкой Орде [8, л. 375 об.–376]. Распоряжение Убаши о беспрепятственном отпуске туркменов подтвердил вышедший с ними к Сорочиковской крепости, плененный калмыками в январе 1771 г., яицкий казак, ногаец Нияз Насыров [8, л. 411–411 об.].

В письме от 6 апреля 1771 г. астраханский губернатор Н. А. Бекетов уведомил И. А. Рейнсдорпа, что туркмены возвратились во вверенную ему губернию тремя партиями в числе 538 человек. Первые две партии (400 и 44 человека) прикочевали к Волге еще в феврале. Третья партия в составе 94 человек прибыла не позднее начала апреля [10, л. 131–131 об.]. Численность возвратившихся на Волгу туркменов возрастала за счет их соплеменников, доставлявшихся в Астрахань в индивидуальном порядке. Так, 9 апреля из Яицкого городка в сопровождении старшины К. Филимонова был отправлен в Астрахань туркмен Яганберда Кутлубулатов. Его длительная задержка на яицких форпостах объяснялась болезнью [9, л. 276]. По той же причине («за болезнью и за старостью») до 15 мая в крепости Иnderских гор содержались две туркменки 75 и 12 лет. Калмыки их бросили на степной стороне после переправы через Яик. Обе изъявили желание присоединиться к ранее отправленным в Астрахань соплеменникам [10, л. 294–294 об.].

Таким образом, большая часть туркменов благополучно вернулись на Нижнюю Волгу и остановились на определенных астраханским губернатором для их кочевий местах. Однако как оказалось, проблемы, связанные с их возвращением, продолжали оставаться предметом разбирательства в ведомствах астраханского и оренбургского губернаторов.

19 февраля астраханский губернатор Н. А. Бекетов уведомил своего оренбургского соседа И. А. Рейнсдорпа о полученной жалобе на яицких казаков от возвратившихся из Калмыцкой Орды татар и туркменов в числе 300 кибиток. Истцы утверждали, что ушли от калмыцкого наместника добровольно, но на яицких форпостах у них были отобраны лошади, скот и прочее имущество. Н. А. Бекетов потребовал разобраться с обидами, нанесенными его подопечным, и ранней весной собрать и доставить в Астрахань весь отобранный яицкими казаками скот. Требование астраханского губернатора завершалось припиской: «впредь не токмо никаких обид, но ниже малого озлобления чинить воспретить» [8, л. 302 об.].

Из записки, поданной туркменским старшиной в Астраханскую губернскую канцелярию, следовало, что на первом форпосте, к которому вышли туркмены, у них было отобрано 107 лошадей, 15 верблюдов, 6 шуб и нож с серебряной оправой. Из посланных к атаману для уведомления об их прибытии 11 человек двое были задержаны. Из другой группы в 13 человек двое также были задержаны. Но и оставшиеся не смогли выехать из Баксайского форпоста, т. к. у них были отобраны 25 лошадей. В грабежах обвинялись и казачьи команды, несшие службу на других форпостах. Кроме того, лошадьми и имуществом приходилось расплачиваться за полученные на форпостах продукты. Так, на Зеленовском форпосте за варево из рыбы у туркменов отобрали лошадь и ружье [8, л. 303 об.].

Астраханский губернатор также видимо решил воспользоваться ситуацией с возвращением туркменов, чтобы возложить на Яицкое казачье войско ответственность за отсутствие служебного рвения и упущение шанса задержать изменников-калмыков. Как выяснил Н. А. Бекетов, отпущенные калмыцким наместником Убаши туркмены из второй партии пробыли целый день на яицком Сорочиковском форпосте (крепости), где были накормлены и отпущены без какого-либо допроса. Из чего губернатор сделал вывод, что находившиеся на форпостах старшины упускают удобные случаи к получению разведывательных данных и уведомлению о них вышестоящего начальства. Если бы такой допрос туркменских предводителей состоялся, то оренбургский губернатор получил бы уведомление о медленном продвижении калмыцких улусов и желании многих калмыков возвратиться обратно в Россию. Располагая необходимой разведывательной информацией, казачьи команды могли

действовать оперативно и задержать калмыков на переправе через р. Иргиз [10, л. 131 об.–132]. К тому же Н. А. Бекетов не терял надежды вернуть вероломно захваченных калмыками накануне побега военных и гражданских чиновников, состоявших на службе в его администрации. Вернувшиеся на Волгу туркмены заверили его, что русские пленники ко времени их ухода были живы. Начальствующие лица: капитан Дугин, комиссар Везелев и каптенармус Бочкарев содержались под караулом при ставке наместника, остальных передали разным зайсангам, и они тоже находились под охраной [10, л. 136].

Претензии астраханского губернатора в адрес Яицкого войска были как запоздалыми, так и не вполне справедливыми. О медленном передвижении калмыцких улусов, как и о желании простолюдинов вернуться к местам прежних кочевий, в Войсковой, а через нее и в Оренбургской губернской канцеляриях было известно и ранее от перебежчиков и плененных калмыков. Более того, Войсковая канцелярия приступила к формированию экспедиционного казачьего корпуса под командованием полковника фон Бекерена. Вот только рядовые казаки решительно отказались записываться в корпус и отправляться в заснеженную степь под предлогом невыплаты им жалованья за последние пять лет и наложения запрета на выборы походных старшин [3, с. 5–17].

И. А. Рейнсдорп поддержал требование астраханского губернатора Бехтерева о возмещении яицкими казаками причиненных туркменам убытков. Яицкому казачьему войску он вновь напомнил о строгом предупреждении: «чтоб впредь таковым добровольно выходящим ни малейшего озлобления не показывали под страхом жестокого наказания» [10, л. 305 об.]. Однако сами яицкие казаки категорически не согласились с выдвинутыми против них обвинениями. Они возлагали ответственность за сожженные и разоренные казачьи форпосты не только на ушедших с наместником ханства калмыков, но и на тех, кто решил возвратиться к родным очагам.

В рапортах походного атамана И. Акутина, представленных в Войсковую канцелярию, действия форпостных старшин и казаков оправдывались тем обстоятельством, что сами туркмены на Еманхалинском и Зеленовском форпостах казачий хлеб и прочий скарб весь разграбили, увели лошадей и поранили копьём одного казака. Кроме того, одна из туркменских лошадей была опознана как казачья, взятая калмыками во время их январского нападения на Кулагину крепость. В качестве ответной меры есаулами Еманхалинского и Зеленовского форпостов Соколовым и Пятерковым у туркмен были отобраны один верблюд, одна лошадь, два ружья и одна сабля. Также в Баксайской крепости были задержаны два туркмена, подозреваемые в грабеже казачьего имущества. Встречный иск форпостных казаков Войсковая канцелярия сочла обоснованным и предписала взять на хранение верблюда, лошадь, ружья и саблю, указанные в рапорте И. Акутина.

Всю совокупность причиненного туркменам ущерба должен был определить старшина Федор Бородин, командированный Канцелярией на форпосты для проведения расследования [10, л. 306 об.]. Ф. Бородину предписывалось расследовать факты ограбления и задержания яицкими казаками возвращавшихся через линейные форпосты туркменов, изложенные в двух письмах астраханского губернатора и переданные в войсковую канцелярию ордерами оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа от 18 марта и генерал-майора И. К. Давыдова от 12 мая. О претензиях, содержащихся в первом письме, говорилось выше, а во втором письме Н. А. Бекетов требовал возвращения удерживаемых в заложниках двух туркменов с четырьмя лошадьми, двух престарелых женщин и одного мальчика [11, л. 201].

24 июня Ф. Бородин представил в Войсковую канцелярию краткую выписку: «из производимого по претензии вышедших из калмыцкой орды трухменцев в причиненных им обидах форпостными старшинами и казаками следствия». Походный атаман И. Акутин, форпостные старшины и рядовые казаки, как и следовало ожидать, отрицали обвинение в отобрании у туркменов 107 лошадей, 50 верблюдов и ножа. Удержание в аманатах трех туркменов должно было служить залогом, что

вышедшие на их форпосты туркмены направляются в Астрахань, а не к своим азиатским соплеменникам. Однако этим заложникам удалось бежать. Еще двое туркменов, о которых упоминалось выше, были взяты под караул, т. к. казак Петр Ватиков опознал как свою одну из их лошадей, угнанную калмыками близ крепости Индерских гор. Казак Иван Шанин утверждал, что и у него проходившие с Калмыцкой Ордой туркмены отобрали лошадь, но опознать ее среди туркменских лошадей он не смог. Допрошенные Бородиным туркмены пояснили, что лошадь они поймали на степной стороне Яика, у Индерской соли [озеро Индер], и кем означенные казаки ограблены, они не знают.

И. Акутин засвидетельствовал, что перед уходом туркменов, их представителям Ниязу Жуламтеву и Алаберди Худай Бердину были возвращены пятнадцать лошадей и две сабли. В доказательство были представлены заверенные тамгой расписки.

Бежавшими из Кулагинной крепости тремя туркменами у казаков Ивана Логинова и татарина Алдана Узбекова были угнаны две лошади, украдены ружье, калита (кожаная сумка) с порохом, кафтан и мерлушный, крытый кумачом полушубок. В качестве компенсации казаки забрали себе четыре туркменских лошади.

В свою очередь и туркмены опознали в табуне, принадлежавшем казакам Кулагинной крепости, пять лошадей и двух верблюдов. Однако, как показал атаман Акутин, все лошади и скот были брошены в степи бежавшей Калмыцкой Ордой и в разное время собраны казаками его команды, а «трукменские или калмыцкие, он не знает» [11, л. 201–202].

И. Акутин отвел обвинение о будто бы задержанных им и содержавшихся в Кулагинной крепости туркменов. В крепости оставалась одна старуха-туркменка, о двух других престарелых женщинах и мальчике он ничего не слышал. По поводу упоминавшихся в рапорте Ф. Бородина задержанных туркменов Войсковая канцелярия пояснила, что содержавшиеся в крепости Индерских гор туркмены еще в апреле есаулом Макарычевым привезены в Яицкий городок, и один из них в сопровождении старшины Кирилла Филиппова уже отправлен в Астрахань [11, л. 202].

Старшина Ф. Бородин посетил все форпосты, через которые возвращались туркмены, и расследовал все претензии, перечисленные в их исковых донесениях. Из первого письма следовало, что на Еманхалинском форпосте у туркменов было отнято семь лошадей, одна шашка с золотой оправой, одно ружье с серебряной оправой. Возглавляемые есаулом Яковом Соколовым казаки под присягой показали, что ружье и шашку у туркменов за причиненный ими грабеж они действительно у них конфисковали, но лошадей не брали. Для большей убедительности Ф. Бородин с сопровождавшими его туркменами осмотрел форпостный табун. Однако туркмены ничего определенного о показанных им лошадях сказать не могли, т. к., по их словам, вышли к российской границе уже после первой четырехсотенной партии туркменов, от которых собственно и исходят претензии [11, л. 202–202 об.].

По заявлению туркменов, в Тополинской крепости канониром Копечкиным у них отнято 30 лошадей и 8 баранов. Согласно второго письма, в этой крепости туркменами были оставлены один бурый жеребец-иноходец и четыре лошади. Петр Копеечкин решительно отрицал обвинение в захвате туркменских лошадей состоявшими в его команде старшинами и казаками. Оpozнание туркменами в крепостном табуне десяти своих лошадей объяснял их покупкой или обмeнами, произведенными казаками с калмыками и туркменами при свидетелях. Однако, как видно из показаний казаков, их обмен с туркменами носил явно не равноценный характер. Лошадей туркмены отдавали за одежду и еду. Так, пегая кобыла казака Чечина была обменена на белый зипун, а мухортый мерин хорунжего Ивана Мурзина взят у туркмена Булата Аманова за ковригу хлеба за шестнадцать пшеничных покурок.

По свидетельству казаков Петра и Матвея Кошкадомовых и Семена Дабленова, отправленные для задержания туркменов канонир Копеечкин и казак Будыгин признали будто бы выманенных пятнадцать или двадцать лошадей. Копеечкин признал факт привода туркменских лошадей, уточнив, что отданы они ему были самими

туркменами, из приведенных лошадей десять пали, а пять – розданы казакам [11, л. 202 об.–203 об.]. Месяцем позже, 22 июня, канонир П. Копеечкин обратился с донесением к Ф. Бородину, в котором вновь попытался доказать законность приобретения восемнадцати лошадей. Из них пятнадцать, изможденных и исхудавших, были брошены самими туркменами, и забрать их Копеечкину они «сами приказали». Еще двух лошадей туркмены ему подарили, а одну он выменял на белый зипун. Из восемнадцати лошадей девять пали, а остальные «за упадком» розданы казакам. Смысл донесения П. Копеечкина заключался в его последнем предложении: «покорно прошу, дабы оные остальные лошади от нас отобранные не были, а предоставлены б были в наших руках. Куда надлежит представить» [11, л. 207].

На Зеленовском форпосте, как утверждали туркмены, за рыбное варено им пришлось отдать лошадь и ружье. Есаул Григорий Питерков добавил к списку претензий еще и одного верблюда, но уточнил, что отобранные они были не за рыбное варено, а за разграбление их форпоста. В доказательство прилагался реестр утраченного имущества.

Старшинам и казакам Баксайского форпоста туркмены предъявили обвинение в краже шести лошадей. Есаул Федор Мостовщиков изъятие у туркмен шести лошадей посчитал справедливой компенсацией за потраву ими восьми стогов сена. Еще три, как он считал, оставленные калмыками лошади были переправлены через Яик со степной стороны [11, л. 203 об.–204].

Для оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа несправедливость произведенного яицкими казаками неэквивалентного и по своей сути мошеннического обмена была очевидна. В ордере, направленном Войсковой канцелярии Яицкого казачьего войска от 29 июля 1771 г., по поводу расследования, произведенного Федором Бородиным, он указал: «Я ничего справедливого не усматриваю как токмо один предмет ко оправданию форпостных старшин и казаков в отобрании беззаконно у возвратившихся от бежавших калмык трузменцев и татар скота их и имения. Служащие и в самих показаниях и свидетельствах, чем они вину их отнюдь закрыть не могут, и помянутым скотом и имением воспользоваться не должны. Тем паче, что и высочайшим именным Ея Императорского Величества указом отбирать оные накрепко запрещено. А велено таких возвращающихся, со всем при них имеющемся, препровождать в прежние их места безобидно» [11, л. 216].

Губернатор И. А. Рейнсдорп потребовал все установленные Бородиным вещи и скот у казаков отобрать и передать находившимся в Яицком городке туркменам. Возвращенный скот и прочее имущество в сопровождении нарочных предписывалось доставить в Астрахань и сдать под расписку уполномоченному командиру [11, л. 216 об.].

9 ноября Войсковая канцелярия отчиталась о выполнении требования оренбургского губернатора. Согласно представленному рапорту, собранный скот был передан туркменам и в сопровождении казачьей команды, возглавляемой старшиной Семеном Думчевым, был доставлен в Астраханскую губернию. Исполнение подтверждалось распиской из Калмыцкой экспедиции [11, л. 218].

В тот же день, 9 ноября, И. А. Рейнсдорп получил письмо от астраханского губернатора Н. А. Бекетова. Бекетов выражал недовольство по поводу неполного исполнения Яицким войском возложенного на него обязательства по вопросу возмещения отобранного у астраханских туркмен имущества. Явившиеся к нему два яицких казака уведомили астраханского губернатора, что в соответствии с полученной инструкцией ими были препровождены и доставлены в Астрахань два туркмена, скот в числе трех верблюдов и пятнадцати лошадей, а из вещей – два ружья и две сабли. Н. А. Бекетов продолжал настаивать на полном возвращении всего указанного в жалобах туркмен скота и оружия: «дабы они более просьбою здесь не докучали и с того напрасных переписок миновать было можно» [11, л. 231–231 об.].

Итог затянувшейся переписке подвел оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп. Главный начальник Оренбургского края сетовал своему астраханскому коллеге на вышедших из повиновения яицких казаков. В оправдание собственного бессилия

в письме от 11 ноября он указал: «Но какого оттоль упорного состояния войска Яицкого ожидать можно, которое не только бы генералитетские определения существенно исполнять, но и по нарядам Государственной военной коллегии на службу казаков, будучи ослушно не посылает. <...> Итак, на последок, едва зайти до того можно было, что сие войско двух тухменцов и столь малый скот Вашему превосходительству доставили» [5, л. 103–103 об.].

Выводы

Возвращение туркмен в пределы России объяснялось совокупностью факторов: нежеланием покидать обжитые волжско-прикаспийские степи, терять связь со своими мусульманскими единоверцами и тюркоязычными соседями, подвергнуться чужестранному китайскому гнету. Решение наместника Калмыцкого ханства Убаши об отпуске оставшихся при нем туркмен могло быть вызвано соображениями безопасности, т. к. в числе преследовавших Калмыцкую Орду казахов отрядов могли находиться и туркмены, приведенные Пирали-султаном.

В отличие от астраханского и оренбургского губернаторов, яицкие казаки считали своим законным правом присвоение отобранного или выменного за бесценок туркменского скота и иного имущества. В первом случае они полагали, что возмещают убытки, понесенные в результате разорения их форпостов, переправлявшейся через Яик Калмыцкой Ордой, в числе которой были и туркмены. Во втором – обстоятельствами, вынуждавшими туркмен выменивать лошадей и скот на еду и одежду.

Откочевка в 1771 г. значительной части торгоутских калмыков и ликвидация Калмыцкого ханства стали переломной вехой в судьбе астраханских туркмен. В 1772 г. высочайшим указом они были причислены к кизлярским ногаям [1, с. 311–312], имели кочевье на р. Куме и совместно с ногаями исполняли гужевую, почтовую и другие налагаемые на них повинности [2, с. 253]. По сведениям П. И. Небольсина, с учетом переселившихся в 1815 г. в Астраханскую губернию 220 семейств мангышлакских туркмен, в 1849 г. численность туркменского населения в Северном Прикаспии составляла 1 699 человек – 907 мужчин и 792 женщины [6, с. 259]. В 1863 г. туркмены были переведены на бывшие кочевья калмыков-дербетов к югу от р. Маныч в Ставропольской губернии [12, с. 100].

Потомки туркменских поселенцев XVII–XVIII вв. до сих пор проживают в Астраханской области и в Ставропольском крае. Принятое их прадедами решение отстать от мятежной Калмыцкой Орды и вернуться в российское подданство позволило этнической группе астраханских и ставропольских туркмен сохранить свою национальную идентичность.

Список источников

1. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год / П. Г. Бутков. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской академии наук, 1869. – Ч. 1. – 548 с.
2. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год / П. Г. Бутков. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской академии наук, 1869. – Ч. 2. – 592 с.
3. Джунджузов, С. В. Обострение военной и социально-политической обстановки в Яицком казачьем войске в период откочевки калмыков из России в январе – марте 1771 г. / С. В. Джунджузов, М. Н. Ефименко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2025. – № 3. – С. 5–17. – doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-1.
4. Дорджиева, Е. В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. / Е. В. Дорджиева. – Ростов-на-Дону : СКНЦ ВШ, 2002. – 210 с.
5. Национальный архив Республики Калмыкия. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 433.
6. Небольсин, П. И. Туркмены / П. И. Небольсин // Астраханские губернские ведомости. – 1852. – № 48. – С. 258–261.
7. Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее – ОГАОО). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 114.
8. ОГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 118.
9. ОГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 119.
10. ОГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 120.
11. ОГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 121.

12. Очиров, У. Б. Тюркоязычные этнические группы в составе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) / У. Б. Очиров // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. – 2009. – № 2. – С. 98–102.

13. Сызранов, А. В. Астраханские туркмены: историко-этнографическая характеристика / А. В. Сызранов // Астраханские краеведческие чтения / под ред. А. А. Курапова. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. – Вып. 3. – С. 322–327.

14. Цюрюмов, А. В. Калмыцкое ханство в системе международных отношений в первые годы правления наместника Убаши / А. В. Цюрюмов // Вестник Калмыцкого университета. – 2023. – № 1 (57). – С. 34–40. – doi: 10.53315/1995-0713-2023-57-1-34-40.

References

1. Butkov, P. G. *Materialy dlya novoy istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god* [Materials for a New History of the Caucasus, from 1722 to 1803]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk; 1869, vol. 1, 548 p.

2. Butkov, P. G. *Materialy dlya novoy istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god* [Materials for a New History of the Caucasus, from 1722 to 1803]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk; 1869, vol. 2, 592 p.

3. Dzhundzhuzov, S. V., Efimenko, M. N. Obostrenie voennoy i sotsialno-politicheskoy obstanovki v Yaitskom kazachem voyske v period otkochevki kalmykov iz Rossii v yanvare – marte 1771 g. [Aggravation of the Military and Socio-Political Situation in the Yaik Cossack Host during the Kalmyk Migration from Russia in January – March 1771]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanitarian Sciences]. 2025, no. 3, pp. 5–17, doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-1.

4. Dordzhieva, E. V. *Iskhod kalmykov v Kitay v 1771 g.* [The Exodus of Kalmyks to China in 1771]. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center for Higher Education; 2002, 210 p.

5. *National Archives of the Republic of Kalmykia*. Fund 36, inventory 1, case 433.

6. Nebolsin P. I. Turkmens [Turkmens]. *Astrakhanskaya gubernskaya vedomosti* [Astrakhan Provincial Gazette]. 1852, no. 48, pp. 258–261.

7. *United State Archives of the Orenburg Region*. Fund 3, inventory 1, case 114.

8. *United State Archives of the Orenburg Region*. Fund 3, inventory 1, case 118.

9. *United State Archives of the Orenburg Region*. Fund 3, inventory 1, case 119.

10. *United State Archives of the Orenburg Region*. Fund 3, inventory 1, case 120.

11. *United State Archives of the Orenburg Region*. Fund 3, inventory 1, case 121.

12. Ochirov, K. B. Tyurkoyazychnye etnicheskie gruppy v sostave Kalmyckogo khanstva (XVII–XVIII vv.) [Turkic-speaking ethnic groups within the Kalmyk Khanate (17th–18th centuries)]. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy* [Bulletin of the Institute for Comprehensive Research of Arid Territories]. 2009, vol. 2, pp. 98–102.

13. Syzranov, A. V. Astrakhanskaya turkmens: istoriko-etnograficheskaya kharakteristika [Astrakhan Turkmens: Historical and Ethnographic Characteristics]. *Astrakhanskaya kraevedcheskiye chteniya* [Astrakhan Local History Readings]. Ed. by A. A. Kurapov. Astrakhan: Izdatel: Sorokin Roman Vasilevich; 2011, iss. 3, pp. 322–327.

14. Tsyuryumov, A. V. Kalmyckoe khanstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy v pervye gody pravleniya namestnika Ubashi [Kalmyk Khanate in the system of international relations in the first years of the reign of the governor Ubashi]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University]. 2023, no. 1 (57), pp. 34–40, doi: 10.53315/1995-0713-2023-57-1-34-40.

Информация об авторе

Джунджузов С. В. – доктор исторических наук, доцент.

Information about the author

Dzhundzhuzov S. V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 31.03.2026.

The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 31.03.2026.